

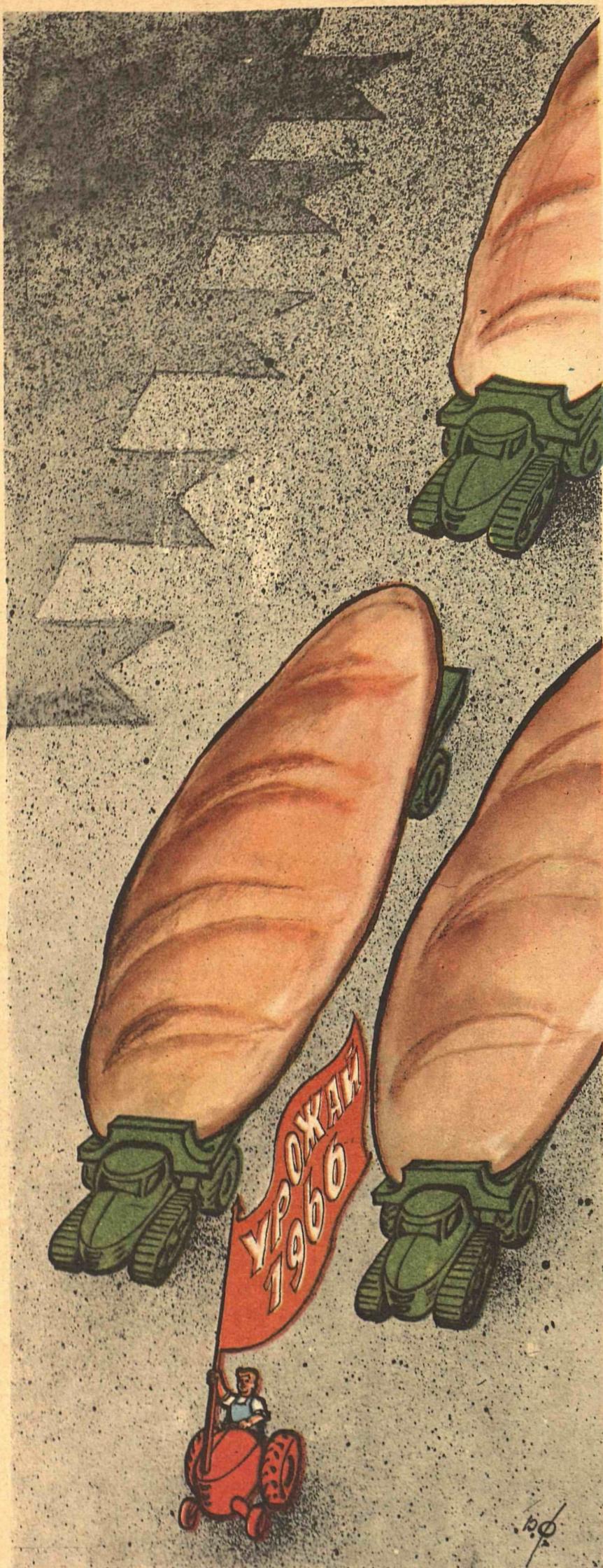
ОКТАБРЯТА

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 30 [1824] ОКТЯБРЬ 1966

год издания сорок пятый

На параде. Осень, 1966.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НОЯБРЬ

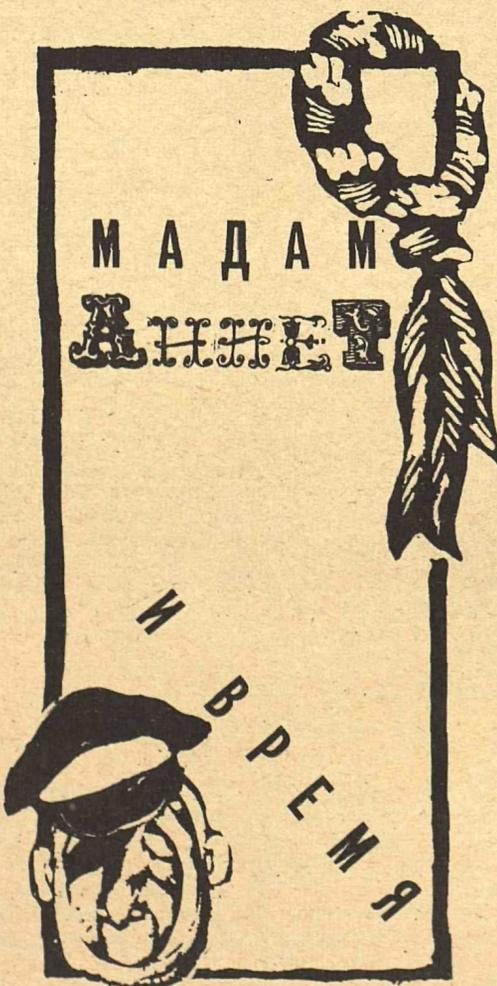
Сергей СМЕРНОВ

Он в день рождения
штурмом занял Зимний,
Развеял свору псов и палачей.
Он,
как звучит
в партийном нашем гимне,
Сияет нам
Огнем своих лучей.

Он на войну
накладывает вето,
Владычит в поле, в цехе и в дому,
И трудолюбый
в каждой части света

Свои шаги
Сверяют
По нему.

Он рушит
разделяющие стены,
Он строит мир
И славит бытие.
И даже в дебрях солнечной системы
Он
продолжает
шествие свое!

Дорогие дамы!..
Уважаемые господа!
Я не могу говорить долго. Я волнуясь. Меня душат слезы. Поэтому буду краток.

Всего несколько дней назад я в последний раз посетил нашу милую, очаровательную мадам Аннет. Она, как всегда, была преисполнена оптимизма. Ее слова «Потерпите еще чуть-чуть, и все завершится к общему благополучию» сладчайшей, небесной музыкой звучат в моей душе.

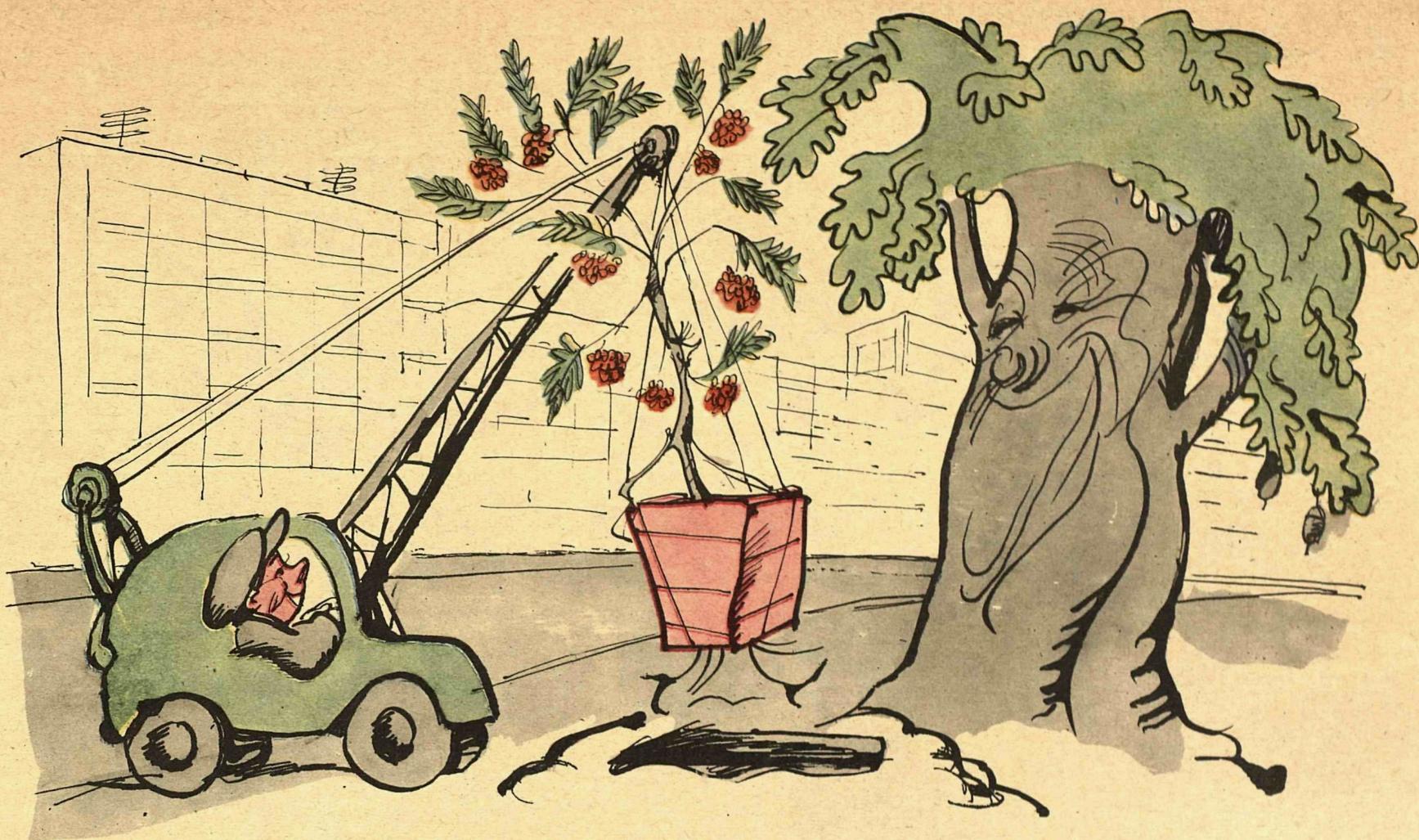
Боже мой, сколько истерзанных сердец исцеляла бальзамом надежды наша Аннет! Сколько раздираемых сомнениями душ успокаивала она своими глубокими, проникновенными беседами!

Мадам Аннет прожила удивительную, яркую жизнь. С кем только она не встречалась! Куда только судьба не посылала ее навстречу жаждущим утешения!

Кто открыл ее драгоценные свойства — сейчас установить не представляется возможным. Одни говорят, что первым благодарным ее клиентом был Александр Федорович Керенский. Другие утверждают, что генерал Корнилов...

Помню мою встречу с посланцем Северо-Американских Соединенных Штатов господином Фрэнсисом. Произошла эта встреча в середине ноября 1917 года.

Как сейчас помню преисполненное радости, я бы сказал, неземной радости лицо посла с пылающими от волнения щеками, влажными от счастья глазами.

— К дубу перебраться? Пожалуйста!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Она сказала: «Не больше десяти дней!»

— Не может быть! Вы не ослышались?

— Нет, нет, нет! Она совершенно точно, ясно заявила: «Семь-восемь дней! Не больше десяти!»

— А вдруг не сбудется?

— Что вы, граф! Сбудется! Я уже сообщил репортерам: «Большевики больше десяти дней не продержатся...»

Встречаю дней через двадцать испанского посла. Вижу, его прямо распирает, но, как человек осторожный, он сдерживается. Потом, конечно, не вытерпел:

— В следующем месяце!

— Не может быть!

— Уж вы поверьте... Мадам Аннет...

Через полгода в Париже встречаю ныне покойного генерала Краснова. Бежит, торопится.

— Куда, генерал?

— Как это куда? Странный вопрос! Чемоданы укладывать... К Рождеству домой, в белокаменную...

— Невероятно!

— Хороший вы мой! Юденич с мадам Аннет беседовал... Мне тут в одном банчишке под эту беседу малость подкинули на дорожные расходы. Как в Москву вступите, говорят, еще дадим...

— Ради бога, расскажите подробнее... Может, и мне...

— Извините, граф, тороплюсь...

Не помню, в том ли году или в следующем встречаю атамана Семёнова. Веселый такой, одет прилично,

побрит, пострижен, руки чистые. В ресторан меня увлек. Сели. Начал заказывать. Я слушаю и удивляюсь.

— Устриц наилучших... Коньяку этого, как его, императорского... Сыру...

Я осторожно намекаю:

— Если на мое, так сказать, долговое участие рассчитываете, то считаю долгом предупредить — у меня ни сантимата... Не вышло бы неприятностей...

А он хохочет. Показывает пухлый бумажник.

— Услышал господь наши молитвы! В Николин день в Успенском соборе молебен закажу.

— Да неужели? Просто не верится.

— Вы, граф, всегда в маловерах ходили.

Наклонился к самому моему уху и докладывает:

— Я только вчера с генералом Жоффром из Вашингтона... У господина Вильсона аудиенцию имели... Кое-что получили...

— Скуповат он, говорят...

— А он советников к мадам Аннет посылал... А та прямо, совершенно откровенно: «К Рождеству не вышло, а к Николину дню выйдет. Все. Точка. Будьте покойны!»

Боже ты мой, как мадам Аннет верила! И какие люди! Про наших я уж не говорю, нам по нашему тягостному состоянию все словно через увеличительное стекло представлялось... Но сэр Детердинг, Ллойд-Джордж, Клемансо, сэр Макдональд, Чемберлен — политики, финансисты, люди

деловые, умницы, а простой бабе, извините, мадам Аннет, как святой богородице, верили...

Она, наша голубушка, утешительница, все понимала — тоску нашу чувствовала. Сроки умело удлиняла — начала с десяти дней, затем перешла к месяцам, годам, потом к пятилеткам.

Помните ее вешние слова: «Подождите, провалятся они со своей пятилеткой!»

А нам — маслом по сердцу. И не верим и верим. Вдруг на самом деле провалятся. А мы тут как тут...

Жизнь трудная... Жизнь тяжелая, бездомная, а мадам Аннет — светильник в душевной пустоте...

В 1941 году ее в Берлин пригласили, в штаб имперской канцелярии зачислили и по совместительству — в министерство пропаганды. Это она заявила:

— Двадцать один день, еще одно утро, в половине шестого... И все! Поминай этих, как их, ну, большевиков, поминай как звали!

Очень ее берлинские портные и сапожники обожали, прямо боготворили: «Фрау Аннет! Фрау Аннет!» Потому как после ее предсказания их заказами завалили — шить новые формы для парада на Красной площади, роскошные платья для торжественного бала...

Правда, после Сталинградской битвы ее в гестапо приглашали — за то, что фюрера подвела...

Спасибо, мистер Трумэн выручил: то ли выкупил, то ли обменял на кого-то своего и забрал мадам Ан-

нет в Вашингтон. Там она снова за свое принялась.

Встречаю как-то Форрестола. Он мне:

— Все! Собирайтесь, граф... Скоро домой поедете. Мадам Аннет...

А сам взял да и выбросился. Недавно с экономистом одним по-встречался, умный такой американец, деловой.

— Кончается...

— Что кончается?

— Социализм кончается... Возвращаются они к капитализму...

— Кто?

— Какой же вы непонятливый! Русские к капитализму возвращаются... О прибылях заговорили, о материальных стимулах... Мадам Аннет говорит, что...

И вот нет больше нашей утешительницы! Как сейчас помню последнюю беседу:

— Успокойтесь, граф... До сорока девяти лет они дней двадцать не дотянут. Вынимайте, граф, из сундука фрак, нафталиничек стряхните... Не дотянут...

И вот сама взяла да и не дотянула...

Мир праху твоему, бесценная наша утешительница! Спи спокойно, дорогая Аннет Спиридоновна. Пусть чужая земля будет тебе пухом!

Речь бывшего корнета, бывшего владельца села Корытное графа А. Путятина-Закидонского застеночно-графировал и доставил в «Крокодил».

Арк. ВАСИЛЬЕВ.

ПО КОМУ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ?

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН. Здесь произошло событие, воспринятое жителями как своего рода символ: преподнесенный американцами в 1949 году Западному Берлину «колокол свободы» на днях в полдень пробил 11 раз и... сорвался с десятиметровой вышки на землю. «По кому звонил этот колокол?» — спрашивают себя жители Западного Берлина, названного недавно парижской газетой «Монд» «медленно умирающим городом».

КРАСОТКИ ДОЛЖНЫ
МОЛЧАТЬ

ЛОНГ-АЙЛЕНД (штат Нью-Йорк). Пятьдесят красавиц — претенденток на титул «мисс Америка» — должны строго подчиняться «правилам распорядка» для соревнующихся, иначе им грозит дисквалификация. Главный из запретов, наложенных на красоток, гласит: претенденткам строжайшим образом запрещается высказываться по двум вопросам: о борьбе негров за гражданские права и о войне во Вьетнаме. Ничто так не портит хорошенькую женщину, как разговоры о политике, заявили организаторы конкурса. Добавим, что ничто так не портит сейчас настроение Белому дому, как раздающаяся со всех сторон критика его внешней и внутренней политики.

С ОДОБРЕНИЯ ЛЯГУШЕК

ЛОНДОН. Первый в истории человечества Международный Конгресс Разрушителей Искусства состоялся в Лондоне на Чэринг Кросс Роуд в подвале книжного магазина Бэттер Бунк Шоп. Секретарь МКРИ Мэтчер заявил на пресс-конференции, что все виды искусства устарели и вредны, а они, организаторы МКРИ, предлагают нечто новое и оздоровительное. Например, действие, придуманное одним французским художником: двадцать лягушек снадут по картону, на котором сформулированы принципы МКРИ. Прыжки лягушек на тот или другой пункт воспринимаются как мнение земноводных о деятельности этой организации... Мнением людей «разрушители», разумеется, не интересуются, ибо людям не понять их философии.

ВОЙНА И РЕКЛАМА

НЬЮ-ЙОРК. Мэдисон-авеню — штаб-квартира американских рекламных фирм — использует для своих целей даже смерть американских парней в джунглях Южного Вьетнама. Прибыль надо извлекать из всего, считают создатели рекламы. И вот на страницах многих журналов появилось рекламное фото, на котором изображен портсигар, развороченный пулей, но не пробитый. Подпись гласит: «Этот портсигар остановил вражескую пулю во Вьетнаме. Сержант Эндрю Мартинес сражался на передовой линии в Южном Вьетнаме. Пуля ударила ему в грудь, в левый карман. Но, попав в портсигар «Зиппо», она расплющилась. Портсигар поврежден, но сержант Мартинес цел и невредим». Фирма «Зиппо», конечно, довольна своей выдумкой. Но что сказать о тысячах американцев, гибнущих в Южном Вьетнаме? Вряд ли их последней мыслью было запоздалое сожаление, что они не обвешались с ног до головы портсигарами.

Факир против расиста.

Доллар философствует

Почти одновременно два Их Королевских Величества, миллиардеры Генри Форд Второй и Пол Гэтти Первый выступили перед широкой публикой с изложением сконструированных ими философских систем.

В самом этом факте нет ничего странного и удивительного. Известно, что ежедневный подсчет прибылей является в высшей степени интеллектуальным занятием. С другой стороны, ничто так не возвышает душу, как периодическое отпирание и запираение семейных сейфов, в прохладных чревах которых покоятся кипы любимых акций. В то же время непрерывные свирепые конфликты миллиардера с конкурентами, налоговыми инспекторами, рабочими, администраторами его предприятий, наследниками и, наконец, с собственными слабостями придают коммерческому абстрактному мышлению отменную живость и динамичность. Короче, весь образ жизни современного короля большого бизнеса является хорошей почвой, на которой естественно и пышно произрастают махровые цветы философских умозрений.

Уж если что и удивительно в системах Форда Второго и Гэтти Первого, так это пленительная логичность, чарующая последовательность и восхитительная стройность их рассуждений. Это тем более поразительно, что наши философы находятся в самом пекле раздираемого противоречиями современного мира.

Подметив, что обе философские системы удачно дополняют друг друга и являются, в сущности, одной-единственной, мы позволили себе объединить их и изложить как цельное учение. Из-за недостатка места читатель будет вынужден довольствоваться лишь основными, так сказать, фундаментальными положениями этой философии регрессивизма¹.

Братская Любовь и нежная Дружба между капиталистом и рабочим являются основой государства всеобщего благоденствия, идеал которого осуществлен ныне в Соединенных Штатах Америки.

К сожалению, рабочие этого не понимают. К сожалению, они объявляют забастовки, требуют увеличения заработной платы, снижения цен и вообще ведут себя неразумно. Только поэтому идеал государства всеобщего благоденствия пока что является, к сожалению, мифом.

Народное благоденствие и прибыли корпораций суть две стороны одной медали. Чем выше прибыли, тем выше благоденствие.

К сожалению, рабочие с этим почему-то не согласны. Больше того, они распространяют зловерную идею, будто большой бизнес — душитель народа. К сожалению, они объединяются в профсоюзы, чтобы бороться против сверхприбылей. Только поэтому, к сожалению, в США пока и не пахнет народным благоденствием (как заявил недавно вице-президент США Хэмфри, «тридцать миллионов американцев живут в самой унижайтельной нищете»).

У рабочих и капиталистов общие цели и интересы. То, что хорошо для капиталиста, хорошо и для рабочего.

К сожалению, рабочие никак не хотят это признать. Они, например, не принимают в расчет, сколько хлопот стоило Форду Второму истратить четверть миллиона долларов на первую «взрослую» вечеринку для его дочери. Зато они подсчитали, что среднему фордовскому рабочему надо не разгибать спины без малого десять веков, чтобы получить доход, который Форд получает ежегодно. Поэтому, к сожалению, рабочие проявляют по отношению к миллиардерам обидный антагонизм.

Каждый рабочий в Америке может стать миллиардером и королем большого бизнеса. Единственное, что для этого нужно, — обладать психологией миллиардера.

К сожалению, рабочих до сих пор не удается в этом убедить. К сожалению, рабочие издевательски высмеивают эту соблазнительную перспективу. Они нетактично напоминают, что нынешние короли бизнеса были еще в пеленках, когда их папаши уже ворочали миллионами. Поэтому, говорят рабочие, дело не столько в наследственной психологии, сколько в унаследованных долларах. К сожалению, рабочие занимаются такой критикой вместо того, чтобы, засучив рукава, развивать в себе психологию миллиардера.

Такова вкратце философская система Форда — Гэтти. Ее сногшибательная логичность объясняется просто. Мыслители, восседающие на денежных мешках, молчаливо исходят из предпосылки, что капитализм вечен. Они делают вид, будто сорок девять лет назад не произошло ничего такого, что поколебало бы этот завет предков.

До сих пор на защиту, оправдание и освящение капитализма бросали наемных социологов. Теперь, как видим, в теорию ударились сами старички-бодрячки — хозяева движимостей и недвижимостей. Однако «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» не слишком уж оптимистический лозунг. Во всяком случае, он не сулит лучезарных перспектив.

А. ВИХРЕВ

— Опять шум на улице мешает слушать репортаж из Вьетнама!
Рисунок Н. Лисогорского

ГЛАВНОЕ — НЕ ПОПАСТЬ В ДЕРЕВО

Говорят, в последнее время американские сержанты в Южном Вьетнаме усиленно вдальбливают в головы рядовых карателей новые нормы поведения. Речь, конечно, идет не о принципах, а о тактике. Солдату внушают, что если на мушке автомата оказались сразу и человек и дерево, то надо изловчиться попасть в человека и не попасть в дерево.

Дело в том, что дерево может оказаться каучуконосом, а каучук вывозится в США. Поэтому горе солдату, сообщает газета «Нью-Йорк пост», который срубил или сжег из огнемета такое дерево: из его жалованья незамедлительно вычитается 87 долларов.

Другое дело — человек.

Только за год ВВС США сбросили на вьетнамские деревни более 600 тысяч тонн бомб — в полтора раза больше, чем за все годы второй мировой войны в районе Тихого океана.

Понятно, что при столь массовых операциях случаются ошибки.

Патрулируя к юго-западу от Сайгона, американские бомбардировщики «по ошибке» стерли с лица земли мирную деревушку Чуонг. «По ошибке» пострадало около двухсот крестьян.

Позднее пилоты американских реактивных истребителей заметили на канале в провинции Лонган какие-то движущиеся предметы. Поскольку на деревья-каучуконосы эти предметы не смахивали, пилоты на всякий случай открыли огонь. В итоге было потоплено несколько рыболовных джонков и убито около тридцати рыбаков.

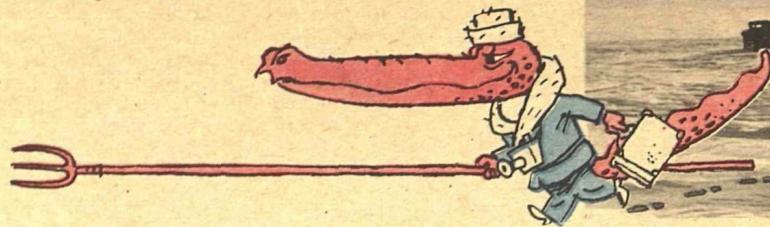
Недавно американское военное командование выплатило «компенсацию» семьям южновьетнамцев, погибших в результате «ошибочных» налетов. Таких налетов было одиннадцать. Убитых — 166. Выплачено 5 650 долларов. То есть по 34 доллара за человека. В два с лишним раза дешевле дерева.

Еще дешевле обходятся калеки. За оторванную «по ошибке» руку или ногу можно откупиться несколькими центами. «По-видимому, у нас есть счетовод, бродящий по Вьетнаму с планшетом в руках, выясняющий, у кого что оторвано, и выплачивающий компенсацию», — иронизирует американский журналист Питер Хамилл.

Вот так палачи играют в гуманизм. За зверства пытаются расплатиться мелкой монетой. А ведь отвечать придется по большому счету!

Э. БАСКАКОВ

¹ To my regret — к сожалению (англ.).

КРАЙНЕ СЕВЕРНОЕ

ВЕЕР ПО-ТАЙМЫРСКИ

Вчера была осень. Ветер терзал над тундрой обрывки туч, вытрясая из них последние капли. Под ногами краснели, желтели, чернели, стегали по голеницам карликовые леса.

Сегодня с утра началась уже зима. Сегодня с утра мы выехали с базы к месту стоянки валунно-поисковой партии на Амне. С утра счетчик вездехода накручивает километры Норильского плато.

Днем ултели облака, и пришлось надевать темные очки, так слепила снежная равнина. К вечеру равнина пошла все круче вниз, под машину полезли сначала кусты, потом чахлые лиственницы, потом очень быстро пропали снега, и вездеход вломился в погустевший зеленый лес. Начинаясь долина реки Рыбной со своим микроклиматом и демисезонным пейзажем.

А когда вездеход сполз по каменной крутизне к речке Чопко, вокруг была уже почти летняя теплыня с подмосковным бором и подмосковными же цветами, совсем свежими на вид и полумертвыми на самом деле.

До ночи вездеход продирался сквозь этот лес к речке Амне. На Амне, на обрыве, стояли палатки валунников.

Лагерь был пуст.

«Братцы! — извещала записка. — Масло я закопал на поляне. Езжайте сразу, 5-го работы у нас кончаются. Сивак».

Сивак был начальником партии. Вместе с двумя рабочими он сидел сейчас выше по Амне и ждал нашего вездехода. Еще две группы сидели в других точках и ждали того же.

Когда-то Таймыр утюжили тяжелые ледники. Они выламывали из земли угловатые камни и медленно волокли их с собой, дробя и обкатывая. Такая же участь постигала и куски руды, если рудная жила имела неосторожность высунуться на поверхность.

Такие вот «жилыные» валуны ищут геологи и отмечают их точками на карте. Постепенно из точек на карте вырисовывается нечто похожее на веер. Вершина веера — цель поиска. Где-то здесь, говоря специфически, обнажается интрузия, или, по-обыденному, выглядывает на поверхность желанная руда.

Партия Сивака кочует по долине и теперь готовится к перебазированию с Амне дальше на север.

...Утром, когда водитель вездехода Вася Быстров юркнул в машину, а остальные еще не вылезали из спальных мешков, пришел Борис Калмыков и позвал:

— Саня! Где Саня?

— Тут, — высунулся из мешка Саша Бархатов. — Тут я.

— Медведи на острове. Масло едят.

— Ага, — заволновался в мешке Саня. — Я сейчас. Пожалуйста, заряди мне карабин. Снег есть? Где мои сапоги?

Остальные не восприняли медведей всерьез. Решили, что Саню снова разыгрывают. Саня — долганин, и в нем сидит потомственный таймырский охотник. Разгуляться же этому охотнику негде, потому что работа у Сани в основном кабинетная: он геолог группы подсчета запасов. Вот и отводит он душу во время нечастых выездов на природу. Этим пользуются и время от времени выкрикивают: «Саня, гуси!» (или утки, или зайцы).

Но на этот раз было без обмана. Ящик со сливочным маслом был вырыт из земли, крышка оторвана, часть масла съедена (на нем следы зубов). А на свежем снегу — свежие отпечатки лап двух медведей.

Ящик перетащили в лагерь, а медведей разыскивать не стали.

Днем вездеход по каменному руслу Амне привез группу Сивака.

А ночью при свечах долго жарили на «буржуйке» оленину и время от времени пускали в небо белые ракеты. Вездеход пропал. Он ушел под вечер за группой Кузнецова и сгинул.

Обычное дело — Вася опять где-то чинился, на болоте. Вездеход у него был такой старый, такой помятый и потрепанный, что только такой терпеливый умелец, как Вася, и мог еще заставить его двигаться.

Вообще почти все снаряжение геологов испытывается не столько на прочность, долговечность, надежность, сколько на терпеливость. На терпеливость самих геологов. По принципу «Держись, геолог! Крепись, геолог!». Тут тебе и костюмы, сшитые разве что на снежную бабу, и спальные мешки, которыми лучше бы пользоваться в теплой, сухой комнате, и всасывающие воду увесистые сапоги, которые так и называются — геологические. И есть еще могучий жомаринный напиток диметилфталат, который разъедает стекло и металл и запах которого способен разогнать все окрестное зверье. Но только не комаров.

Прилетел вертолет. Стал совершать над долиной короткие полетики, перетаскивая хозяйство на новое место.

В воздухе было тесно от всяческих рейсов и рейсиков. Дичь сформировывалась в эскадрильи для отлета на курорт, и эскадрильи летали с места на место, окончательно утрясая свои составы. С одного из озер вертолет поднял целое гусиное соединение, целую тучу птиц.

Люди тоже спешили использовать погожее небо. Попался навстречу «АН-2», «обутый», как в галоши, в широкие поплавки для посадки на воду. Летел к рыбакам на озеро Кита. Прокурсировал вдали легонький «ЯК-12», то ли по медицинским, то ли по почтовым надобностям.

А на месте старого лагеря остались вездеход и Вася с двумя рабочими для ремонта и для доперетаскивания остальных грузов.

Не первый год работает партия Сивака в Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции. Всего на Таймыре сейчас более тысячи геологов, и именно по их милости на краю света возник

НЕБЫВАЛЬНЫЙ ГОРОД

Бывает все на свете хорошо. В чем дело — сразу не поймешь. А просто ты наконец-то вот-вот попадешь на край света, увековечишься там на фотопленке и получишь потом восхитительную возможность рассказывать друзьям, как ты посетил край света (самый край!) и даже не только посетил, но еще и посидел там (на самом-пресамом краю!) и ноги свесил.

И вот привозят вас в город и говорят: это край света, правда, не самый что ни на есть, но все-таки. Норильск. Вы смотрите, а края нет. Не видно. По нарядным улицам ходят нарядно одетые люди.

Вам показывают обыкновенно-европейские кафе, магазины, плавательный бассейн, Дворец культуры, телестудию, стадион... При этом поясняют, что в водное поло перед вами играет не просто команда «Заполярьник», а чемпион РСФСР среди юношей. В магазинах вы обнаруживаете не только фрукты, но и цветы. А на стадионе на ваших глазах московские ветераны залихватски проигрывают местным футболистам...

Тогда вы привередливо начинаете искать экзотику сами.

— А вот же у вас тут полярные сияния на морозе, — уличаете вы норильчанина. — И ночь двухмесячная. И бураны — у-у-у! Как же вы по улицам ходите?

— У, — говорит норильчанин, — еще как ходим-то! Некоторые даже голенькие.

— Как это? — обижаетесь вы.

— А как и у вас на материке. Секция «моржей». Немецкие кинооператоры снимали их как-то на Долгом озере, так всю аппаратуру поморозили.

— А летом? — не сдаетесь вы. — А болота? Ни ногой, небось, из города!

В ответ вам подсовывают «Заполярную правду» с предвыборной заметкой «Стоп, турист!», и вы читаете: «Большое беспокойство агитаторы испытывают за норильских туристов: ведь в воскресенье тысячи их устремляются в тундру. Стоп, турист! Проголосуй и тогда отправляйся на Далдыкан или Валец, не огорчай своих агитаторов».

Вы пытаетесь обнаружить под домами сваи, вы же знаете, что на мерзлоте без железобетонных свай нельзя. А свай не видать, они скрыты стенами, чтобы не портить вида.

Вы идете на окраину, чтобы сфотографировать огромные наклонные щиты — защиту дорог от буранов. Ан и тут помехи. Вдоль щитов бегут стайеры в трусиках и портят кадр.

Рисунок О. КОРНЕВА

А когда с вас сдирают штраф за переход улицы не по пешеходной дорожке, вы окончательно сдаётесь и бежите в профком горно-металлургического комбината писать в толстую книгу свой коллективный отзыв. Примерно такой: «Впечатляющее, огромное, неповторимое, поражающее мощью и размахом — вот что такое Норильск. Туристы теплохода «В. Чкалов» в лето 1966 года».

Или такой: «...мы посетили город Норильск и остались очень довольны. До этого мы посетили много европейских городов. Норильск им не уступает, а в культурном развитии даже превосходит многие из них. Ферганцы».

Или даже совсем такой: «Мы восхищаемся вашим городом. Нам хочется даже остаться в нем. Но увя! Не берут. Туристы теплохода «Рубинштейн»».

Норильчане привыкли к таким восторгам. Они им даже поднадоели. — Ну что они все пишут, — говорили мне, — «жемчужина Таймыра», «город романтиков»... Вот вы лучше напишите, как я пошел в магазин за совком для мусора, а мне его без термоса не дают. Берите, говорят, вместе с термосом, потому как это у нас неделимый набор под названием «Семейный уют». Или вот куклы привезли поролоновые. Куклы продают только с пудреницами. Как это называется, а?

Сейчас Норильску 30 лет. Это один из самых лелеемых государством городов. И есть за что его лелеять. Например, за прекрасно поставленное производство полиметаллов на Норильском горно-металлургическом комбинате. А совсем недавно открыто Талнахское месторождение с такой небывалой рудой, по сравнению с которой обычные залежи кажутся просто пустячными камнями.

За открытие Талнаха группе геологов присвоено звание лауреатов Ленинской премии, а Норильская экспедиция получила орден Трудового Красного Знамени.

Так что Норильск теперь вроде как и не край, очень уж он «центральный» получился. Тем более что есть еще край и понастоящему.

НЕТ И НЕТ

Между Диксоном и материком — немножко «пустой» воды. На воде лежат черные корабельные тела, и нежно зеленеет в порту прибрежный айсберг. Сегодня в ночь (ночь еще не полярная, а просто ночь) ледокол «Капитан Белоусов» поведет за собой целый выводок «грузовиков» в пролив Вилькицкого. Последний караван в Хатангский залив с грузами для восточного и центрального Таймыра. В проливе Вилькицкого ледоколу придется крепко повкалывать, на его потеху там набилось столько льдов, сколько уже сорок лет в это время не набивалось.

А на Диксоне — третий день разнообразных ожиданий. Третий день по дощатым тротуарам и водопроводным коробам гуляет моторист Дергунов и заразительно кричит:

— Приходите свататься, я не то чтоб прятаться!

Изредка моторист заходит в гостиницу, где уже не кричит, а просто с командорским топотом идет туда, где народу побольше.

Публика сплошь полярная. «Старые» полярники отправляются на материк в отпуск или на свои метеостанции из отпуска. Группу новеньких ждут в Архангельске для дальнейшей транспортировки на острова.

Острова не дают государству никакой продукции. Они поставляют научные сведения.

В одной компании речь держит Вэвэ. Вообще-то он не Вэвэ, а Володя. Вэвэ — это ВВ, взрывчатое вещество, тоже вполне легальный технический термин. Здесь, на Диксоне, Вэвэ и схлопотал себе прозвище. Впрочем, как раз ничего взрывчатого в его характере не наблюдается.

Сейчас он рассказывает, как, сидя на льдине, запросили они с базы две бочки авиационного масла. И отступали таким путаным текстом, что база долго молчала, а потом ответила: «Как только колени рщщщ, сразу вас ддд на материк». Запросили еще раз. Так, мол, и так, не в коленях смысл и не надо нас «ддд на материк», а сбросьте лучше пару бочек элементарного авиамасла. Тут текст совсем усложнился, да еще полярные сияния связь испортили. В общем, на третьи сутки допупались до пол-

ных головоломок. И вдруг, как в сказке, с неба шваркаются об лед две бочки, и в наушниках без всякой морзянки — голос доброго волшебника совсем не с той базы: «Эй вы, долго ли еще будете эфир засорять и мешать работать? Подавитесь своим маслом и успокойтесь!»

— А это не ты радиogramмы-то составлял? — спрашивает у Вэвэ некто Костя. У Кости постоянно бегающие глазки, и сам он какой-то бегающий. Хоп — и цапнул со стола конфетку, раз — и женился, бац — и налетел катером на камни. Катер — вдребезги, а Костя — вот он, сидит и Вэвэ поддразнивает.

— Нет, — говорит Вэвэ. — Не я. А бочки в лед как врезались, так и засели.

— Тяжелые, что ли, были?

— Двести кэгэ.

— Ну, подумаешь, тяжесть! Вон Власов два с половиной центнера поднимает.

— Это какой Власов? Юрка, что ли?

— Юрий.

— С Челюскина?

— Из Москвы.

— А! — подключается к разговору кто-то из новичков. — У них там на Челюскине, я слышал, древняя пушка стоит на самом берегу. Чтобы сто лет назад во время тумана стрелять. Чтобы корабли ориентировались. И возьми да вылезай один раз на берег не то нерпа, не то тюлень. И чего-то там в этой пушке зацепил своим зубом, она и трахнула. А от этого, от отдачи, откатилась, и под ней тайник нашли, а в нем — карта Арктики прямо чуть ли не на папирусе... Представляете, с прошлого века заряд не отсырел!

— А ты куда едешь-то?

— На Уединения.

— Ну, там ты еще не такого слушаешься!

— А еще на Челюскине, — не сдается новичок, — говорят, один раз десять фильмов завезли, так они все десять за один раз и прокрутили. Целые сутки смотрели, только в столовую изредка бегали.

— Ну, этого ты и на своем Уединении насмотришься!

— А вот придет Власов, мы его спросим насчет пушки и карты.

Радиотехник Власов ушел осиливать какие-то свои отпускные оформления и переоформления. Он давно уже ждет какой-нибудь воздушной оканки на мыс Челюскин.

Дождались Власова. Про кино и пушку спросили. На это Власов ответил утвердительно и с удовольствием. Он даже кое-что уточнил. Не под пушкой карта была, а прямо в пушке, в качестве пыжа. А после выстрела пыж улетел в море и упал прямо на палубу какого-то судна.

— Да, кстати, — отвлекся Власов. — Я искал-искал на материке бильярдные кии, так и не нашел. Может, кто из вас там увидит. Может, пришлите парочку. Долетят в целости. Почтарь на сброс аккуратно идет, да и мягко зимой. А адрес такой: «Остров Диксон, мыс Челюскин, Власову Юрию Николаевичу».

Ожидания продолжались.

Сейчас Арктику начинает обволакивать полная полярная ночь. На Таймыре позднее всего она доберется до Норильска и будет там самой коротенькой (ровно два месяца) и самой светлой, отесненной с дорог и улиц неоновыми лампами.

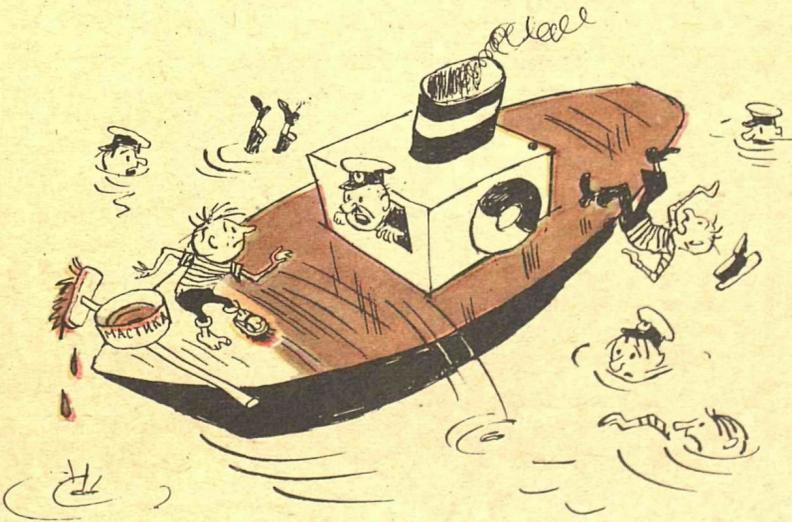
Заползутся, задышат ледяным жаром полярные сияния.

У людей мало что изменится, пропадет только разница между дневными и ночными сменами. А на островах вообще работа упорядочится — приуменьшатся всякие разъезды и перелеты.

Спокойной, доброй ночи, Арктика!

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила.

Таймыр — Диксон.

— Вам приказали только помыть палубу, а вы натерли!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

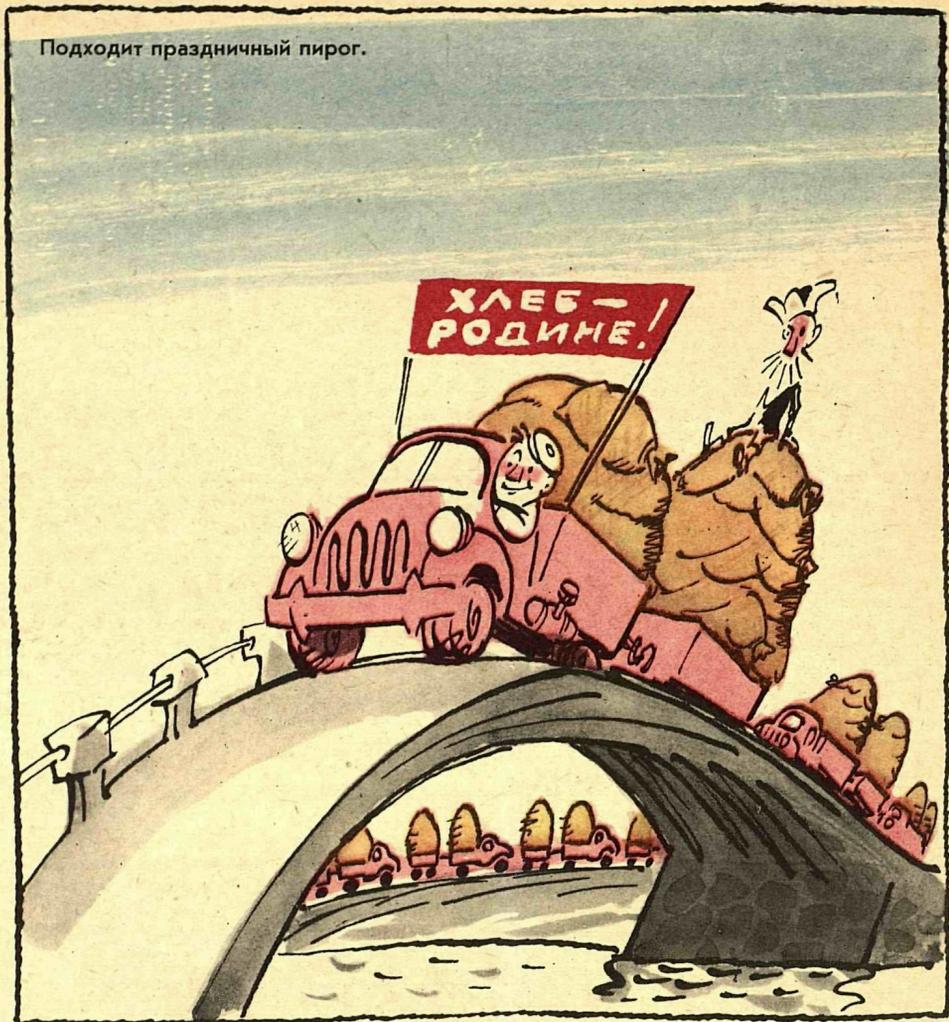

— Мы из бюро добрых услуг. Вам не нужно снять пенки!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Улицы очищаются от мусора.

Подходит праздничный пирог.

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ХОДОТЫ

Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

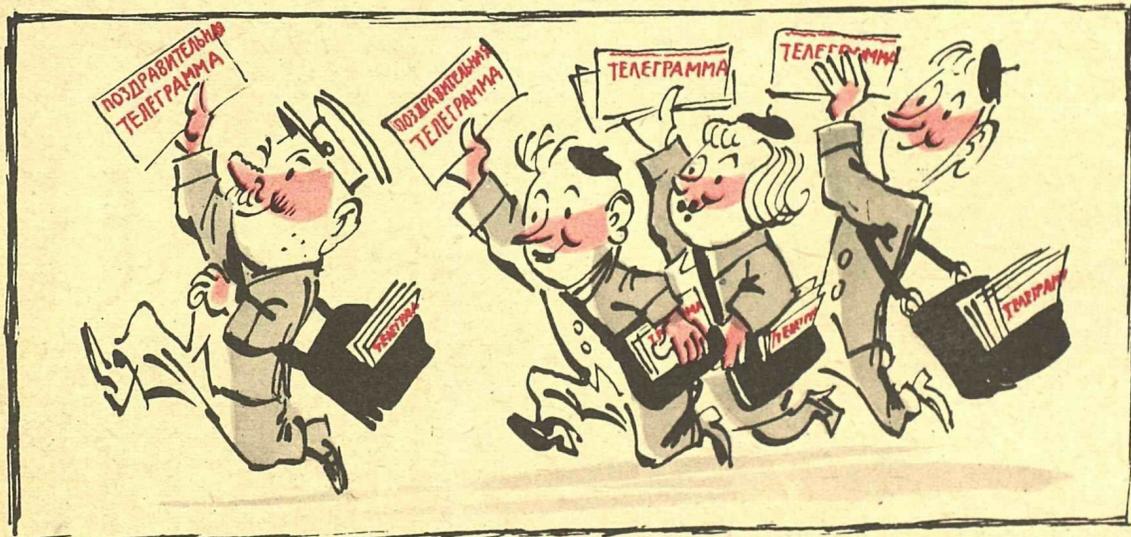
Развешивают флажки.

Готовятся подарки.

Зажигают разноцветные лампочки.

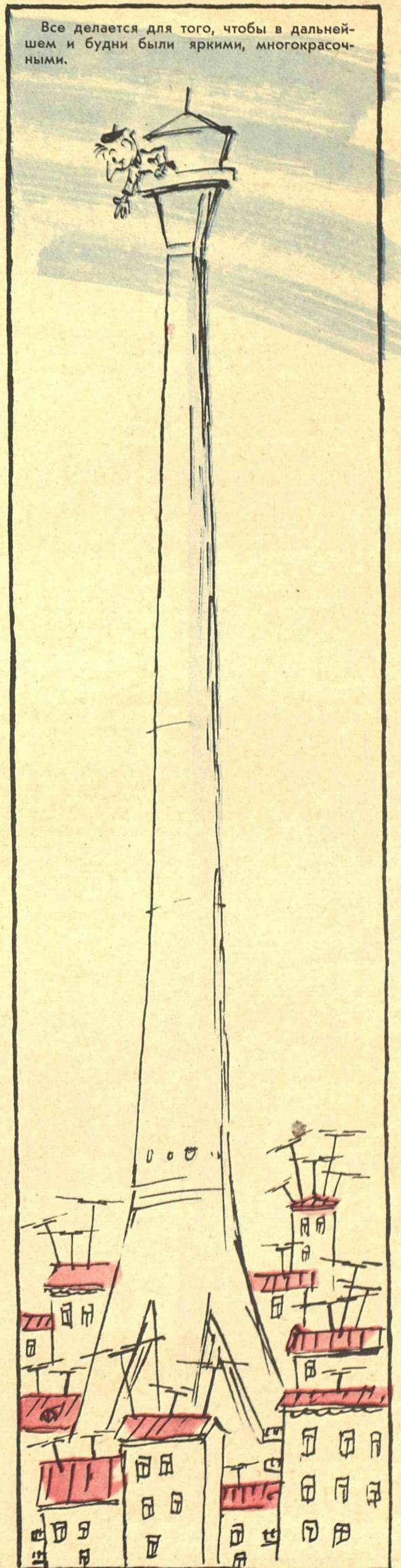

Проводятся предпраздничные кроссы.

Издали приезжают близкие друзья.

Все делается для того, чтобы в дальнейшем и будни были яркими, многокрасочными.

Я хочу рассказать одну незатейливую и, пожалуй, грустную историю. Эпиграфом к ней мог бы послужить афоризм великого сатирика о том, что просвещение следует внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития. Итак, гражданин Селезнев Виктор Ефимович, владеец небольшой дачки, нажитой, кстати, не на обмере, и не на обвесе, и даже не на пивной пене, сказал своей жене:

— Придется, милая, избавиться от Урса. Он компрометирует нас.

— Как может собака компрометировать человека? — резонно спросила жена.

— Видишь ли, в художественной литературе точно установлено, что собака — верный признак частнособственнических вождельней ее владельца.

— Урс не признак, Урс наш добрый четвероногий друг, — заупрямилась жена. — Он живет у нас восемь лет, и мне трудно расстаться с ним. И вообще не понимаю, почему возник этот вопрос.

— В поселке решили избавиться от собак...

Судьба Урса была окончательно решена, когда к Селезневым пожаловал товарищ Нестеренко, руководитель дачного кооператива Татуши. То был краснолицый, легкий на подъем старик. Он обожал разные кампании. Он любил на ходу подхватывать плодотворные идеи. Такой это был передовой и динамичный человек.

Так вот, этот товарищ Нестеренко остановился по ту сторону шаткой калитки и сказал Селезневу:

— Позоришь нас, Виктор Ефимович! Мы сейчас планируем превратить наш дачный куст в зону сплошного соотдыха и разворачиваем большую кампанию. Ты же своим кобелем дискредитируешь интересное начинание...

— Разве Урс мешает вам развернуть кампанию? — спросила жена Селезнева.

— Дорогая Елена Евгеньевна! — воззвал Нестеренко. — Как можно согласовать два факта: с одной стороны, поселок сплошного соотдыха, с другой — кобели на цепях, будто у купцов? Выходит, мы не доверяем соседям, таким же простым и гордым людям, как мы с вами.

— Мы доверяем, — ответила Елена Евгеньевна, — но в нашем поселке, помимо добрых соседей, живут и хулиганы. Не далее как вчера они срубили у Нелли Михайловны две молодые сливы, а у старика Попова искромсали резиновый шланг...

— Хулиганы не проблема, — сказал Нестеренко. — Мы покончим с ними собственными силами. Сообщу по секрету: мы даже решили отказаться от услуг милиции. Взамен создаем собственную дружину!

— Из немощных стариков? — разозлилась жена Селезнева.

— Однако твоя жинка — дама с подковыркой, — сказал Нестеренко. — Она культивирует отсталые настроения. Учти это, товарищ Селезнев.

После неприятной беседы робкий Селезнев окончательно решил избавиться от пса. Он начал размышлять, кому бы сдать собаку. Дело осложнялось тем, что предки Урса не могли похвастаться генеалогическим древом.

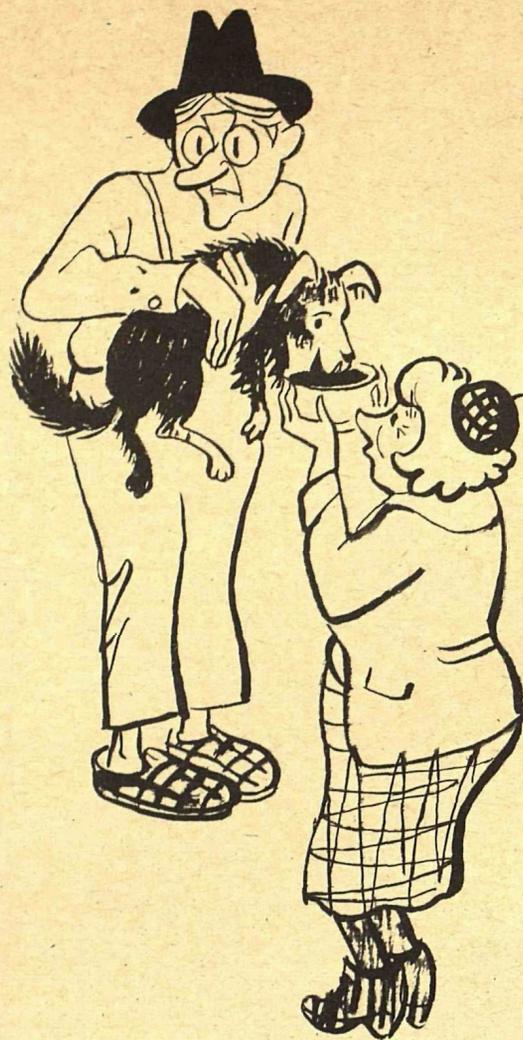
— Если бы Урс был овчаркой, — сказал Селезнев, — его можно было бы отдать на пограничную заставу и даже получить за это благодарность. Но он плебей, малоприметный, рядовой пес, который даже не имеет паспорта...

Положение неожиданно спас сослуживец Елены Евгеньевны, живший в соседнем поселке.

— Я не сноб, — сказал он. — Я возьму и беспаспортную собаку.

И взял. А ровно через три дня хулиганы, которые ранее из-за Урса обходили Селезневых, заявили к ним на дачу. В полночь они взломали погреб и потехи ради разбили кадку с огурцами. Спустя неделю трое здоровенных парней в синих джинсах, орнаментированных металлическими заклепками, и в рубашках «Сантьяго», расстегнутых до пупа, снова появились на участке, просто среди бела дня. Молодцы прошли мимо супругов к кустам палевых пионов и начали деловито обрывать махровые цветы.

— Что вы делаете? — изумился Селезнев.

С. ШАТРОВ

ДИНАМИЧНЫЙ НЕСТЕРЕНКО

РАССКАЗ

— Ждем трамвая, — ответил самый молодой и остроумный.

Интеллигентный Селезнев подошел к непрощеным гостям, чтобы разъяснить им всю неприглядность их поступка.

— Друзья, ваше поведение не укладывается в этические нормы и общепринятые моральные параметры, — сказал он. И тут же подумал, что не так начал, надо бы попроще, подушнее, чтобы слово пронзило опрubeвшую оболочку их душ.

К сожалению, ему так и не довелось облечь свои мысли в более простую и эмоциональную форму. Самый здоровый из пришельцев сунул ему кулак в грудь. Селезневу показалось, что на него рухнул пролет моста. Очки отлетели в сторону, а сам он повалился на спину.

— Подлецы! — крикнула Елена Евгеньевна, бросаясь к мужу.

Пришельцы загоготали и не спеша пошли к калитке, размахивая в такт шагам палевыми букетами.

Интеллектуальный Селезнев не бросился вслед за обидчиками. Он не был создан для кулачного боя. Он был шуплым человеком, с вялой мускулатурой. Жена подняла его с земли, и они молча вошли в дом.

С тех пор у Селезневых начались тревожные дни. Парнюги зачастили на дачу. Их наглость, вскормленная безнаказанностью, возрастала с каждым днем. В часы нашествия супруги запирались в комнатах. Елена Евгеньевна плакала от обиды и бессилия. Она все чаще думала, что ее Витя — милый, мягкий, но трусливо-бесвольный человек. На него нельзя положиться в минуту опасности. В их взаимоотношениях появилась маленькая, но нехорошая трещинка.

Селезнев был в отчаянии. Он пошел к Нестеренко. Но тому было уже не до хулиганов. Нестеренко переключился на новую реформу. Настало время отказаться от велосипедов. Многие дачники держат велосипеды только для того, чтобы вечером встречать домочадцев, прибывших на электричке с продуктами. Нестеренко предлагает ликвидировать индивидуальный велосипедный парк, а взамен купить мотоцикл с фургончиком и развозить в нем продукты по дачам. Так что Селезневу надо немедленно продать свой велосипед и покончить с позорной кустарщиной!

— Велосипед я не продам, — краснея и преодолевая врожденную деликатность, сказал Селезнев. — И вообще отныне я буду игнорировать все ваши начинания!

Он ушел не попрощавшись. Он шел, подпрыгивая от душившего его негодования. Он шел и думал, что теперь прожектеры его уже не подловят. Он не поддается кампанейскому гипнозу. Он не станет откликаться на демагогические призывы и выкрики.

А Нестеренко сел писать письмо в редакцию. В нем он называл Селезнева индивидуалистом и душителем всего нового.

Я прочел это письмо, и мне захотелось лично познакомиться с бескомпромиссным автором. Я выехал на место.

— Люблю печатать! — сказал динамичный старик, по-свойски обнимая меня за плечи. — Садись, я все тебе расскажу!

И он начал поносить Селезневых: — Консерваторы, так их растак! Душителем нового. Цепляются зубами за свои велосипеды, за свои цветочки и ягодки!

Я оборвал поток его красноречия вопросом о хулиганах.

— Хулиганы докучают, — несколько сник Нестеренко. — Патрульные из числа добровольцев пока себя не оправдали. Видать, мы зря отказались от услуг милиции. Собачек тоже можно было оставить. В этом вопросе мы несколько забежали вперед. Но не будем оглядываться назад, поскольку вдали вырисовываются новые перспективы и зреют новые планы...

Я без сожаления покинул неистового реформатора из Татушей. Перед отъездом я зашел к Селезневым. Мы долго сидели на крохотной веранде, затемненной сидром кустом жасмина. Я успокаивал супругов. Я подбирал добрые, ободряющие слова. Виктор Ефимович со страдальческим видом тер ладонями виски. Елена Евгеньевна слушала, устремив задумчивый взор на изуродованные кусты пионов. Вдруг калитка распахнулась, и во двор ворвалась длинноногая худая собака. Шерсть ключьями свисала с ее пыльных боков, и на шею болтался обрывок поводка.

— Урс! — умилился Селезнев.

— Дорогая моя псина! — заплакала Елена Евгеньевна, обнимая дрожащую от возбуждения собаку.

Когда я уезжал, Урс приканчивал вторую миску порошковой сметаны.

За забором соседней дачи продолжал бушевать динамичный Нестеренко. Из обрывков доносившихся до меня фраз я понял, что в глубинах его интеллекта созрели новые реформы, которые должны потрясти Татуши.

— Всех игроков другие клубы переманили. Придется вам вдвоем заканчивать встречу!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ВЕЖЛИВЫЙ АВТОМАТ

Писать о невежливых людях, грубиянах и черствых бюрократах, признаться, надоело. Как будто на них свет клином сошелся! Будто перевелись у нас добросердечие, приветливость и радушие... Нет, пора бы оставить набившую оскомину тему и переключиться на нечто более привлекательное — поговорить о приветливой канцелярии, добросердечном главке и радушно министерстве. Тем более уместно было бы заняться этим сейчас, в преддверии нашего большого праздника...

Стоп! Ни слова больше! Не будем ходить вокруг да около, а перейдем к делу. Ибо источающая приветливые улыбки канцелярия, переполненный отзывчивостью главк и министерство, где радушие автоматически брызжет из каждой форточки, существуют. Поезжайте по адресу: Москва, М. Черкасского переулок, 1/3 — и убедитесь сами.

Когда несколько месяцев назад тут обосновывалось Министерство строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР, кто-то сказал:

— Напишем на нашем знамени принцип наибольшего благоприятствования и всеобъемлющей теплоты!

Так и порешили. Начертали на кумаче, положили в основу. И министерская машина завертелась.

При встречах друг с другом машинистки, секретари, референты, инспектора, инструкторы, помы и замы не обменивались обычными бюрократическими пожеланиями вроде: «Категорический привет!» или «Наше вам с кисточкой!», а говорили:

— Ничто не должно быть забыто! (Пароль.)

— И никто не должен быть забыт! (Отзыв.)

Так уж повелось, что высокое внимание постоянно чувствовал любой подведомственный министерству объект. В особенности завод ручного строительного инструмента в г. Вашковцы, Черновицкой области.

Первым заботу о заводе проявил первый заместитель министра В. К. Ростоцкий. 27 сентября 1965 года он послал заводу следующую директиву: «Прошу Вас направить в адрес Планово-экономического управления копии представленных Вами вышестоящей организации, проектов планов завода на 1966 год по производству, труду и себестоимости».

Затем 15 ноября 1965 года начальник Главстроймашснаба министерства А. Н. Морозов просил сообщить фамилии и номера телефонов заместителя директора завода по вопросу материально-технического снабжения, начальника и заместителей начальника отдела снабжения, а также номер установленного на заводе телетайпа».

Перекинувшись со своими заместителями некоторыми соображениями по поводу итогов только что закончившегося футбольного сезона, тов. Морозов немного поразмыслил и направил в тот же день другую депешу:

«В соответствии с утвержденной Госпланом СССР инструкцией о порядке размещения заказов на специальные и агрегатные металлорежущие станки, специальные кузнечно-прессовые машины и автоматические линии, прошу до 20 декабря 1965 года представить Управлению оборудования министерства по прилагаемой форме заявку на указанное оборудование на 1967 год».

Дальше шли телеграммы. «Двухдневный срок прошу представить расчет потребности тарных лесных материалах формам 62, 63. Морозов».

Иногда они принимали слегка раздраженный характер.

«Приказом министерству завод обязан представить 20 июня расчеты, сводные таблицы потребности 1967 год срок представления сорван с их пор завод не полностью представил расчеты потребности. Гречин».

Не остался в долгу перед вашковчанами и министр Е. Новоселов. 6 января 1966 года он любезно сообщил, что теперь у их предприятия другое имя: не «Завод ручного строительного инструмента», а вашковецкий завод «Стройинструмент». И отечески посоветовал «оформить в установленном порядке изменение печатей, штампов, бланков служебных писем, другой документации, знаков и табличек на изделия и привести их в соответствие с установленной подчиненностью, а также с новым наименованием предприятия».

Секретарь оттиснул на этом приказе факсимиле министра и круглую печать, старший юрист Р. Алирханова поставила свою визу,

и они пошли в буфет побаловаться чайком. А на заводе...

Да, интересно было бы знать, что происходило в это время на заводе. Мы попытались это выяснить и узнали, что в это время на заводе... ничего не происходило. Никто не корпел над проектом плана завода по производству, труду и себестоимости, никто не составлял заявки на специальные и агрегатные металлорежущие станки, не проявлял никакого интереса к тарным лесным материалам и не переделывал таблички для изделий. Молчал заводской телетайп, бездействовал заместитель директора по материально-техническому снабжению, преступно манкировали своими обязанностями начальник отдела снабжения и все его заместители.

Что за дьявольщина? В министерстве, что на М. Черкасском, проявляют заботу, кипятятся, волнуются, а в Вашковцах безбожно саботируют...

Чтобы внести ясность в эту странную ситуацию, приведем запись телефонного разговора между министерством и редакцией «Крокодила».

РЕДАКЦИЯ. Будьте добры, скажите, пожалуйста, вашковецкий завод «Стройинструмент» подчинен вашему министерству?

МИНИСТЕРСТВО. Теоретически он находится у нас...

РЕДАКЦИЯ. А практически? МИНИСТЕРСТВО. Я затрудняюсь ответить.

РЕДАКЦИЯ. Но такой завод существует?

МИНИСТЕРСТВО. Да, конечно.

РЕДАКЦИЯ. А может быть, его нет?

МИНИСТЕРСТВО. Может быть, и так. Трудно сказать что-нибудь определенное...

С помощью Вижницкого районного комитета народного контроля мы наконец установили истину. Вот она: в г. Вашковцы, Черновицкой области, завод ручного строительного инструмента не числится. Ни под старым, ни под новым названием. О чем мы и спешим довести до сведения товарищей из М. Черкасского переулка.

Существует лишь идея. Да, идея построить в Вашковцах завод, возникшая в недрах бывшего совнархоза. И в качестве таковой эта идея была передана Министерству строительного, дорожного и коммунального машиностроения. Дальнейшее известно.

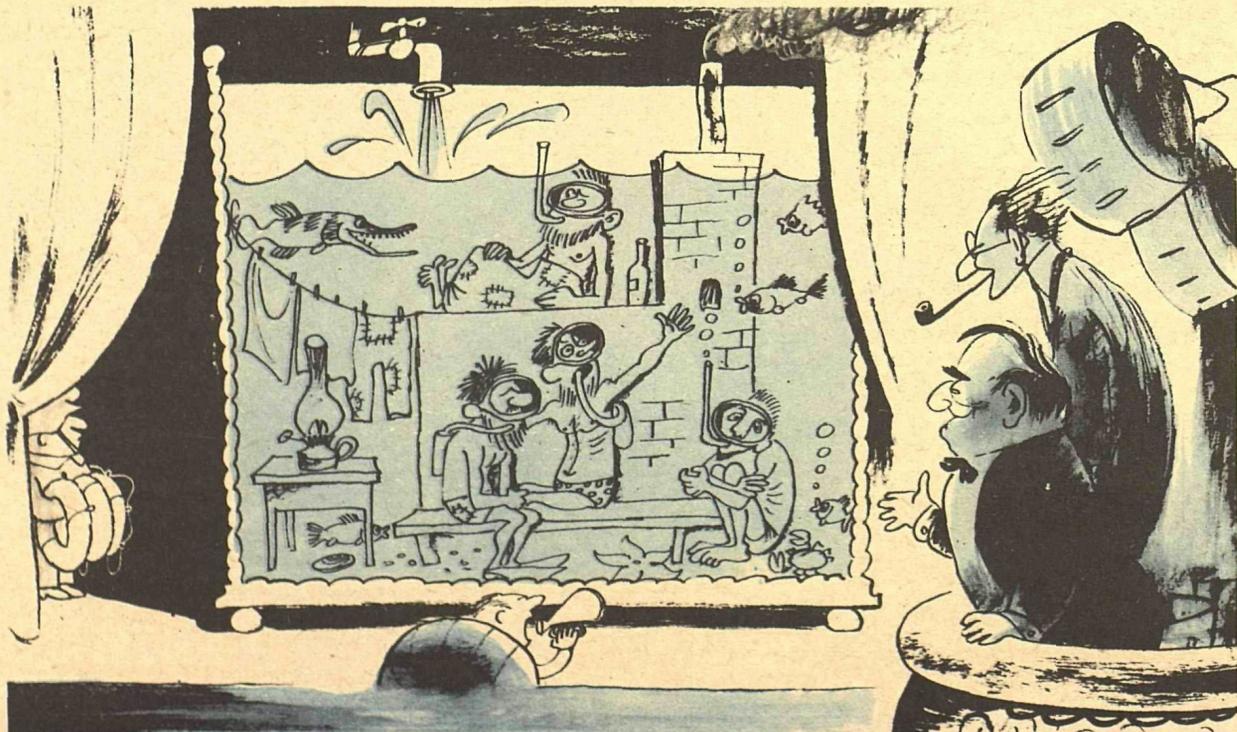
Сооружение этого завода в текущей пятилетке не запланировано. И тем не менее министерство активно укрепляет связь с заводом-мифом, заводом-призраком. Как говорят, набивается на знакомство. Только за полгода в его адрес отправлено 70 пакетов. Готовится и 71-й. С теплыми поздравлениями по случаю праздника и добрыми пожеланиями новых успехов.

И тут мы должны второй раз сказать: стоп! Остановите ротаторы, верните курьеров, выключите телетайпы!

У автомата есть одно неприятное свойство: даже если в него заложены калории вежливости, элементы добросердечия и все составные части приветливости, он все равно остается холодной, бездушной машиной.

М. СЕМЕНОВ

В ТЕАТРЕ «НОВАТОР»

— Не правда ли, очень современное решение спектакля «На дне»?

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

МОИ КОЛЛЕГИ

Не заметили

Это была изумительная шахматная партия. На доске то и дело возникали обоюдоострые ситуации. Стремительные рейды коней сменялись кинжальными прострелами слонов. Тяжелой поступью двигались несокрушимые ладьи. Неистовствовали вездесущие грозные ферзи. Пешки сыпались, как горох.

Дух захватывает от таких партий! Мы играли упоенно, азартно, вдохновенно, не замечая ничего вокруг.

Мы даже не заметили, как закончился рабочий день. А это с нами бывало крайне редко. Обычно партия заканчивалась за пять минут до гудка: надо ведь еще и фигуры сложить.

В. КНЯЗЕВ,
инженер 4-го ГПЗ

«Волжская коммуна».
г. Куйбышев.

Борис МУРТАЗОВ

Твоя коса...

Плетеная,
Длинней каната!
Погиб я,
Косу увидав...
Твоя коса,
Горянка Ната,
Меня скрутила, как удав.
Твоей косой

Не только скручен,—
Я был пронзен
Ее клинком.
И в бездну
С поднебесной кручи
Я полетел,
Как снежный ком...
Навстречу смерти
Падал в страхе,
Но был спасен я
В этот миг.
Кем?
Модой:
Дамский парикмахер
Тебя «под мальчика»
Подстриг!..

Перевод с осетинского

ЖАМИДИН

Холодильник и бездельник

На полный холодильник
глядя,
Бездельник высказался
так:

«Ты полон всем,
Чего же ради
Ты все работаешь,
чудак?!»

Перевел с лезгинского
Андрей ВНУКОВ

— Хорошо этому деду, он сам запчасти делает. А нам как быть?

Рисунок А. ВОЛКОВА

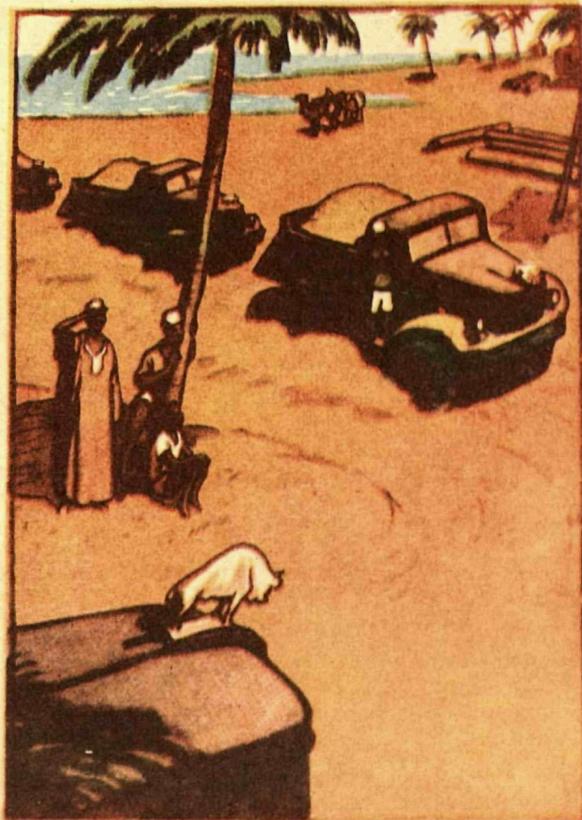
РИСУНКИ БЕЛОРУССКОГО «ВОЖЫКА»

— Из-за этой техники и на свидание не проберешься!
Рисунок В. ЦИХАНОВИЧА

ТАМ, ГДЕ СЕГОДНЯ ОСУШАЮТ БОЛОТА
ЖАБЫ (хором): — Последний нынешний денечек...
Рисунок А. ВОЛКОВА

Белорусские зубры в Африке.

Рисунок С. РОМАНОВА

Алексей МАРИНАТ

Яблоня

Тракторист Цамбур обездолил село. И теперь вот посмотрите на него: стоит перед председателем сельсовета с нахлупенной на лоб кепкой и хлопает глазами. Сам бы не пришел, негодник, привели дружинники.

— Как же это случилось? — набросился на него председатель сельсовета.

— Как случилось... Еду я, значит, на тракторе и вдруг слышу: крямз!

— Крямз! Все село знает, что там была яблоня, только ты был с бельмом на глазах.

— Ну уж!
— А что, может, нет? Что, колеса у трактора были кривые? Почему наехал на яблоню?

— Пацаны начали дразнить, кто-то камнем бросил. Ну и я за ними.

— На тракторе?
— Ага. Только хотел догнать одного, а он под дерево шмыг!

— Ну и ты за ним?
— А как же!
— На тракторе?
— Ага.
— И прямо на дерево?
— А куда же?!
— Хорошо! Вот теперь отдам тебя на съедение селу. Все собрались и ждут, аж трясутся. Снушают без соли...

И в самом деле, двор сельского Совета был полон людей. Они ждали, когда появится Цамбур; им очень хотелось на него посмотреть, как он выглядит, разгильдяй этаний! «Ну, покажись, детина, мы тебе зададим!... грозили они ему. — Таковую яблоню уничтожить!» Только об этом и говорили. Многие

даже на работу не пошли: собрались во дворе сельсовета, как на митинг, и ждали Цамбура.

А яблоня... Эх, какая была яблоня! Крона, как парашют, как зонтик, в общем, благодать одна! Кто не прятался под ее тень! С базара кто возвращался — там, под яблоней, переводил дух. Кому в гости случилось идти в соседнее село, на обратном пути — там, под яблоней, приходил в себя. И танцы молодежь устраивала там. И премии за трудовую доблесть вручали там.

А любители природы собирались каждую весну под этой яблоней, чтобы поговорить о дарах

природы. Учителя приводили сюда учеников и показывали, как цветет яблоня. И вот нашелся Цамбур, тракторист, и сделал всех несчастными, вырвал с корнем дар природы.

Где теперь отдохнуть тому, кто с базара будет чапать? Где будут переводить дух те, кому случится бывать на пирушках в соседнем селе? Где будут созываться митинги? Где будут проходить сборы любителей природы? Где будут по праздникам вручаться премии за прилежание и трудолюбие?

...Во всем селе была одна яблоня.
(«Кипаруш»)

ВЕСЕЛЫЕ МОСКВИЧИ

Их двадцать. Среди них конструкторы и педагоги, сталевады и школьники, студенты и бухгалтеры. Их свела вместе одна общая слабость — желание смеяться над людьми.

Их слабость — в то же время их сила, их оружие. С помощью смеха — веселого, иронического, саркастического — они борются с недостатками, а иногда просто заставляют людей по-доброму улыбаться.

Кто же они? Члены сатирического литобъединения при газете «Вечерняя Москва», активисты КВМ — Клуба веселых москвичей.

Как мы их обнаружили? Без помощи специального сатирикателя с электронным механизмом. Остроумная строчка из письма в газету, юмореска или фельетон, выловленные в редакционной почте, веселая заметка в заводской многотиражке — повод для привлечения к работе в нашем объединении.

Молодые сатирики и юмористы почти ежедневно после работы заглядывают в редакцию. Покопаться в редакционной почте, показать новый фельетон или рассказ, а иногда просто поделиться веселой шуткой.

За два года существования литобъединения перья молодых остроловов стали отточенней. Их произведения появляются на страницах журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Театральная жизнь», звучат по радио в «Добром утре». А сегодня мы хотим познакомить с ними читателей «Крокодила».

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ,
руководитель сатирического литобъединения газеты «Вечерняя Москва»

Миниатюры

ДЕТСКАЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Привлекают Мишино внимание
В жизни взрослых разные детали.
— Папу разбирали на собрании,
Где же после папу собирали?

О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

Семен Ильич считался некурящим
И папирос до смерти не любил,
Но вместе с тем чинам вышестоящим

Он фимиами усиленно курил.
Уж много лет старался в этом стиле...
За перекур с поста его сместили.

ЦЕННЫЙ РОМАН

В одном романе столько пили (бутыли),
Что можно было б без затрат
Из книги гнать ректификат.

В. АВЕРЬЯНОВ,
бухгалтер

«Светофор»

Я краснею. Везде и всегда. С первых же дней работы в отделе стал краснеть. По поводу и без. Людка, моя соседка по столу, говорила, что у меня не уши, а два красных светофора.

Со временем я прослыл скромным, застенчивым и, естественно, исполнительным: никогда ни от чего не отказывался, а только краснел. «Кто хочет разработать новый узел?» — спрашивает, например, начальник отдела. Я покраснел и... В связи с этим вскоре увидел свою фотографию на доске почета. Увидел и соответственно покраснел. «Значит, красуемся?» — спросила Людка.

Периодически я озарял нашу комнату красным светом. Людка сказала, что я мог бы подрабатывать вечером в театре как осветитель. «Свет — основа современного театра!» — заявила она.

Жизнь моя постепенно превратилась в кошмар. Я стал выходить краснеть в коридор. Чуть что — сигарету в рот и за дверь. Но как-то, когда я в очередной раз краснел за дверью, ко мне подошел начальник отдела: «Что это вы, Анатолий Иванович, последнее время частенько по коридорам болтаетесь? А еще отличник труда». Я покраснел.

Однажды Людка задержалась после работы. Почему — не знаю. Мы сидели тихо. Потом я встал. Подошел к ней. Я был бледен. Людка широко раскрыла свои глазки.

— Людка, — сказал я чужим голосом, — у меня есть два билета в кино. Картина называется «Зеленый огонек». Хочешь пойти?

Людка три раза хлопнула огромными ресницами и... покраснела.

Ю. ЧИЧЕВ,
инженер

«Выход» найден

В нашу лабораторию весна врывается каждый раз шумом и гамом людей, втаскивающих токарный станок.

Целый месяц потом на нем с визгом вытачивают все кому не лень разные оси и шкивы для личных мотоциклов и машин.

К началу автотуристского сезона станок начинает издавать звуки, похожие на игру плохого джаз-оркестра, — поют на все лады износившиеся от непомерной нагрузки и неумелого обращения шестеренки. Но

это уже не страшно, транспорт у всех хорошо подремонтрован. Остается подумать, кому сплавить занимающий половину лаборатории станок.

В цех его, естественно, не возьмут: вместо округлости он вытачивает эллипс. Списать его тоже нельзя: еще недостаточно изношен. Но выход все же находится:

— Дорогие ребята! Мы, шефы, дарим вашей школе этот замечательный станок. Берегите его!

В. КУЗНЕЦОВ,
инженер

Ахмед ИСХАК

КОРШУН И ЦЫПЛЕНОК

Голодный Коршун изловил Цыпленка.

А тот, не растерявшись,

Пискнул звонко:

— При ваших, дяденька,

Солидности и росте

Я вам не угрожу:

Во мне лишь пух да кости.

А вот родители мои —

Они чета не мнел!

На завтрак и обед

Вам хватит их вполне.

У них и рост и вес —

Ну просто загляденье!..

Я к вам их приведу в одно мгновение!

И Коршун с логикой Цыпленка

согласился

И, царственно кивнув,

Младенца отпустил.

А тот, едва в курятник возвратился,

Покрепче дверь закрыл

И, высунув из щели клювик тонкий,

Сказал, смеясь:

— Ах, дядя, стыд и срам!

Сейчас двадцатый век,

И у Цыпленка

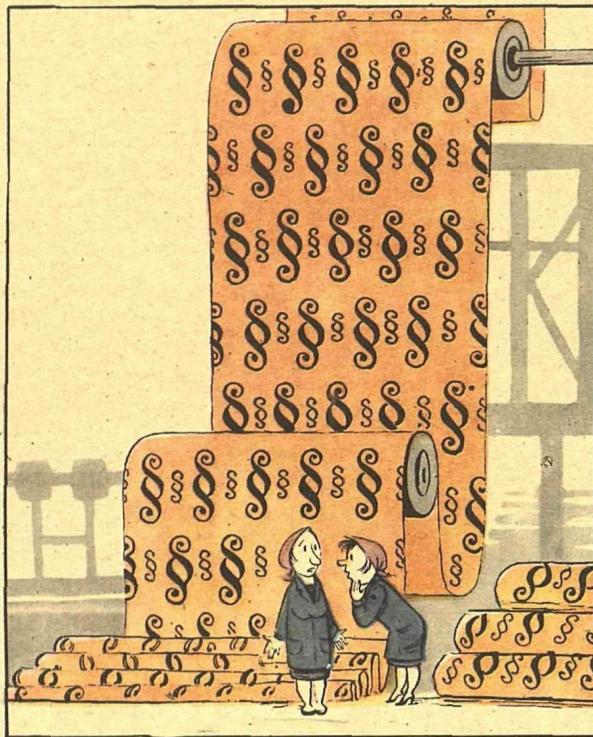
Не отыскать ни пап, ни мам!

Теперь родители не в моде —

Нас в инкубаторе выводят!

Перевел с татарского Мих. РАСКАТОВ.

(«Чаян»)

— С тех пор, как начальника канцелярии назначили заведующим цехом, ткани выходят только такой расцветки.

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА
(г. Душанбе)

Василий РАДИН

У ПОЛИНЫ НЕТ ПЕРИНЫ

У Полины
Нет перины,
А невеста ведь она!
Бесперинная Полина
Молчалива и грустна...
У подруг у всех —
Перина
И пружинная кровати!
Им завидуя,
Полина
Стала маму упрекать,
Стала слезы лить

— Замуж выйти мне
пора,
А у нас ведь для перины
Нет ни пуха, ни пера!
Мать сказала:
— Ах, Полина,
Видно, рано выходить...
Прежде,
Чтоб набить перину,
Надо
Птицу разводить!

Перевел с мордовского
Иван ЗАКОНОВ.

Из украинского юмора

В. ВИХРОВ

СЕМЕЙКА

— Кого вам? Сына моего?
Что, плохо в школе стал
учиться?!
Жаль, дома нет сейчас его:
Пошел он с дедом...
похмелиться.

А. ГРАМАТЮК

ЧУТКОСТЬ

Паук,
Завлекши Муху в паутину,
Ей говорил:
— Тебя я не покину.
Перевел с украинского
С. ШВЕЦОВ.

ВЕСТИ ОТОВСЮДУ

ВОЛГОГРАД. Нижне-Волжское книгоиздательство выпустило юмористические сценки Ю. Селенского «Пешком с пустым мешком».

ХАБАРОВСК. В краевом издательстве вышли басни и эпиграммы Н. Фотьева «Претензий нет».

ПЕРМЬ. Очередная новинка местного книгоиздательства — юмористические рассказы В. Пашина «Секрет молодости».

ТУЛА. Среди новинок Приокского издательства — «Пружинкин и другие (рассказы с улыбкой и без улыбки)» М. Мосолова.

РИГА. Афоризмы, эпиграммы и фельетоны Ю. Никульского «Прошу слова!» выпущены издательством «Лиезма».

СВЕРДЛОВСК. Сатирические стихи А. Новосельского «Левый поворот» опубликованы Средне-Уральским книгоиздательством.

ВИЛЬНЮС. Вышел в свет на русском языке сборник фельетонов и юморесок В. Жилинскайте «Майский жук». Издатель — «Вага».

Здесь изданы также фельетоны и памфлеты Ю. Булоты «Кот в мешке» и сатирические стихи П. Рацюса «Пальцы между дверей».

В **ТАЛЛИНЕ** вышли фельетоны и юморески Х. Лехисте «Борьба со стеной», фельетоны Л. Керге «Пиджак в залог», коллективный сборник сатиры и юмора «Любимая марка» и сатирический сборник на международные темы «Освободимся от ига Марса!»

В **ТБИЛИСИ** вышел пятый том издания «Народная мудрость», содержащий острооты, пословицы и загадки.

Во **ФРУНЗЕ** — басни и миниатюры М. Турсуналиева «Одна из тысячи».

АЛМА-АТА. «Номенклатурный гвоздь» — сборник фельетонов Н. Зверева — вышел в издательстве «Казахстан».

Выпущены в свет сатирические стихи О. Абакирова «Хотите посмеяться...».

В **ДУШАНБЕ** — рассказы и фельетоны И. Файзуллоева «Дорога жизни».

В **УЛАН-УДЭ** — сатирическая поэма Ч. Цындамбаева «Это случилось в Сорхое».

В **МАХАЧКАЛЕ** — стихи и басни Г. Залова «Как лев держит пост».

В **КАЗАНИ** — стихи, рассказы, фельетоны З. Нури «Улыбка и смех».

— Давай напишем этот пейзаж!
— А нас в плагиате не обвинят?

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Мирон ИВАНОВ

Маленькое праздничное недоразумение

Вы знаете, что в этом году празднование Дня Свободы длилось целых три дня подряд, потому что akurat за праздником шло воскресенье.

Вот о том, какое забавное и поучительное недоразумение произошло в моей семье в эти радостные дни, я хочу рассказать.

Лишь вечером восьмого сентября выяснилось, что в доме нет хлеба. Всего мы наготовили вдвое — и жаркого из молодого барашка, и всяких овощей, и сладостей, — а вот хлеба купить забыли. Настоящая катастрофа, если учесть, что в праздничные и воскресные дни магазины не работают.

Первой обнаружила это жена, но, зная мой вспыльчивый характер, предпочла не сообщать мне о таком неприятном факте. Когда за ужином я все-таки заинтересовался, почему на столе нет хлеба, она показала взглядом, что объяснит все потом.

После трапезы жена ласковым голосом осторожно сообщила, что

она не виновата, так как, дескать, поручала купить хлеб детям, а они заигрались и забыли это сделать. Она добавила, что это досадное происшествие, разумеется, в дальнейшем не повторится...

Чтобы не омрачать детям светлого праздника, я отложил «накачку» на будни.

По моему предложению было единодушно решено в течение всех трех праздничных дней слова «хлеб» не произносить, вообще забыть о нем.

Следует подчеркнуть, что все члены нашего семейного коллектива держались превосходно. Никто о хлебе не обмолвился ни звуком.

К великому сожалению, из-за отсутствия хлеба жаркое из молодого барашка и другие яства кончились досрочно. На третий день праздников мы несколько раз пили только чай с сахаром, но тем не менее старались петь веселые песни и беззаботно играть в детские игры. Прибегнуть к помощи добрых соседей не позволяла гордость.

В понедельник все наше семейство в шесть часов утра стояло у хлебной палатки.

Продавец опоздал на целых пятнадцать минут, и мы, разумеется, набросились на него с руганью, заявив, что он издевается над голодными людьми.

В ответ продавец стал корить нас:

— Товарищи! Как вы смеете так говорить! Вы вот праздновали, отдыхали, а я три дня простоял за прилавком и никакого праздника не почувствовал — палатка-то эта дежурная...

Придя в себя, я гневно спросил жену:

— Почему мне не сказали, что эта палатка работает в праздники?

Ответ на мой вопрос дали дети: — Мы, палочка, знали, что палатка открыта. Но раз ты велел не заниматься про хлеб, мы молчали. А вообще-то, если хочешь знать, мы все три дня играли в мячки у этой хлебной палатки...

Перевел с болгарского Е. ТУГАНОВ.

Слово к читателям

Дорогие читатели!

Близится новый, 1967 год. Пятидесятилетие Октября. Полвека труда и борьбы за коммунистическое будущее. «Крокодил», как и вся наша печать, хочет достойно отметить этот юбилей.

С первых дней Советской власти советская сатира была острым оружием в борьбе за утверждение новой жизни, за торжество идей социализма.

В десятках газет и журналов, листовок, альбомов, многие из которых теперь уже забыты или полузабыты, изо дня в день печатались карикатуры, фельетоны, стихи, рассказы, частушки, пародии, куплеты, басни, фотообличения и другие материалы, высмеивавшие и клеймившие врагов революции, противников социализма, пороки старого мира и их живых носителей.

С течением времени каждый такой сатирический документ приобретает историческую ценность.

Дорогие читатели! В ваших личных архивах может найтись такое, что не вошло в библиотечные фонды. Перелистайте пожелтевшие комплекты газет и журналов, переберите фотографии, вырезки, старые книги — и вы, наверное, встретите редкостные, неизвестные современному читателю сатирические материалы.

В 1967 году мы намерены из номера в номер публиковать страницы, посвященные славному пятидесятилетию Октября. Все, что вы пришлете нам для этих подборок, будет интересно и ценно. На конверте помечайте: «50 лет».

Редакционная коллегия «КРОКОДИЛА»

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Знаешь, Дик, что меня больше всего восхищает в нашем сенаторе? Если уж он даст обещание, то никто в мире не сможет добиться, чтобы он его выполнил!

Известный профессор исследовал пациента. Закончив осмотр, он сказал:

— Вам следует воздержаться от умственной работы. Вы чем занимаетесь?

— Сочиняю либретто оперетт.

— Это можно.

Два друга встречаются на улице.

— Я слышал, ты женился?

— Да.

— А почему ты это сделал?

— Уж очень не нравилось питаться в столовой.

— Ну, а теперь?

— Теперь нравится.

Джонни явился из школы в изорванном костюме.

— Что с тобой случилось? — строго спросил папа.

— Я подрался с Чарли.

— Возмутительно! Теперь придется покупать тебе новый костюм.

— Это что! — гордо сказал Джонни. — Посмотрел бы ты на Чарли. Его папе надо покупать нового ребенка!..

— Скажите, официант, ваш оркестр исполняет все пожелания посетителей ресторана?

— Конечно.

— Скажите им, чтобы они часа полтора поиграли в карты.

Беседуют две дамы не первой молодости.

— Мой возраст соответствует размеру обуви, которую я ношу, — кокетливо говорит одна.

— О, это интересно, — оживает другая. — А, собственно говоря, сколько тебе лет?

— Тридцать шесть.

— Представляю, бедняжка, как тебе жмут туфли.

Посетитель в ресторане, ткетно прождав полчаса официантку с заказом, подзывает хозяина ресторана:

— Вот вам деньги, купите цветы для этой официантки.

— Разумеется, сеньор, с удовольствием, — расшаркивается польщенный хозяин. — Она так вам понравилась?

— Совсем нет. По-моему, она сиончалась.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [ответственный секретарь], Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRHOV, А. А. СУКОЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Издательство «Правда»
А 10399.

Подписано к печати 18/X-66 г.
Формат бумаги 70×108½.
2 печ. л. 2,80 усл. печ. л.
Тираж 4 300 000 экз.
Заказ № 2804. Изд. № 1553.

ПЕРЕД ВЫСТУПЛЕНИЕМ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

— Мистер Голдберг, ваш выход!